

СИНДРОМ ПРОВИНЦИИ

ИЛИ ШИРОКАЯ ИЗВЕСТНОСТЬ

В УЗКОМ КРУГУ

Вспомнился недавний любопытный эпизод — в Екатеринбург побывала делегация американских специалистов по культуре, или, как модно теперь говорить, арт-бизнесу. Посольство США в России послало их выяснить состояние российской культуры, помочь консультациями. Принимаем мы всех радушно, тут тоже не было недостатка в гостеприимстве. Показали все, чем богаты, после чего Мэри Блокер, директор программ управления американским искусством информационного агентства США, откровенно сказала: «Ваши менеджеры в области культуры самоотверженны и изобретательны, поэтому вопрос не стоит так, чтобы мы их чему-то обучали. Мы просто должны обмениваться опытом». Да и в целом культурное состояние российской провинции не показалось гостям критическим — «вымирания» культуры они не заметили.

«И на том спасибо!» — проинформировал по этому поводу корреспондент екатеринбургской «Вечерки», пересказывая этот сюжет. Юмор его оправдан. Уж как только, бывает, мы не самоуничижаемся, поглядывая на Америку и другой «зарубеж» (если это и «традиция», то очень давняя). Самоуничижение с особенной силой проявилось сейчас, когда открылись «ворота на Запад» и полилась через край (в нашу сторону) их «культура». Нет, не Фолкнер или Хемингуэй, которых у нас всегда издавали, и много. Не лучшее, а по поговорке: «На тебе, Боже, что нам не гоже».

В потреблении западного духовного ширпотреба провинция ничем не хуже (и не лучше) столицы. В кинотеатрах — те же американские боевики, на многочисленных книжных лотках — нагромождение изданий с изображениями чудовищ и обнаженных мужчин и дев. Социологи говорят, что девятый вал подобного нашествия все же замедлил свой бег, что в этом отношении произошло насыщение рынка, что дает возможность маневра. И все-таки прилившая волна бьет и бьет о наш берег, и если что и меняется, то пока немного понижается массовый интерес к во все уж низкопробной духовной пище, скопидон видеосалона куда-то потихоньку растаяло, как дым.

Сейчас другая беда — накатывает так называемый «средний уровень». И замечаешь на сценах даже весьма уважаемых театров дежурный набор западных хорошо сделанных, то бишь коммерческих пьес — немножко секса, немножко пошлости, немножко юмора и, тоже немножко всегда занимающих публику житейских проблем. И это при том, что в отечественной драматургии царит затишье, что наши российские театры все меньше и меньше ставят классику, отечественную и зарубежную. Разрабатываемые классикой проблемы, если и звучат со сцены, то на весьма облегченном уровне. Вместо Островского — Б. Слейд, вместо Шекспира — Б. Кифф и К. Манье. Так и живем, по принципу «чужое лучше, чем свое».

Если говорить откровенно, жертвами этого принципа нередко становятся и наши западные партнеры. Вернувшись с гастролей артисты ансамбля русской народной песни и танца «Иван да Марья», выступавшие успешно в Германии, рассказывают, что до них впечатление публике подпортили российские коллективы очень низкого уровня (из тех, какие во множестве создаются сейчас специально для зарубежных гастролей?). Да и артисты классического балета, выезжая зарубеж, нередко убеждаются, что до них тут основательно наследили полухалтурные группы.

К нам тоже едут вспахивать ниву искусства люди самые разные. В том числе в Екатеринбург, появляются имена иностранных постановщиков, хотя особенных потрясений пока что нет.

Устремление «на Запад», к сожалению, вовсе не сопровождается заботой о сохранении своего собственного оригинального творческого лица, о сбережении национальных традиций. Удобнее всего считать подобное расширение круга имен издержками на пути интеграции в мировое искусство. Процесс начался, и он в самом деле необходим. Только, действительно, как говорили американские специалисты, нам сподручнее обмениваться опытом, а не покорять культурное пространство друг друга неизвестно чем и неизвестно зачем.

Одной из особенностей сегодняшней периферии является существование в ней мастеров и творческих коллективов самого высокого уровня, отнюдь не уступающих лучшим столичным. Живя в течение многих лет в условиях фактически зак-

рытых границ, не имея зарубежных контактов и гастролей, они страдали от этой замкнутости и безвестности. И это было одной из причин, почему талантливых людей всегда так тянуло «в Москву, в Москву!». Да и в последние годы, уже по другим причинам, из-за экономических трудностей прекрасные екатеринбургские театры, к примеру, не имеют не только зарубежных, но даже российских гастролей.

Синдром периферийной неполноценности давит на психику. Провинция — это «широкая известность в узком кругу». И если мы хотим, чтобы нормально развивалось отечественное искусство, надо менять точки отсчета, разомкнуть порочный круг. В том числе, я уверена, с помощью критики, которая (и столичная тоже) работает, а буквально в смысле этого слова, на «местном» уровне. Столичные критики пишут об искусстве столичном, периферийные — периферийном. Не пересекаясь! В центральных специальных журналах — обойма все тех же, порядком уже надоевших имен. Периферийные не интересуются, потому и критиков периферийных не привлекают, ссылаясь то на интересы читателей, то на недостаточный творческий уровень периферийной пишущей братии. Думаю, это заблуждение от незнания!

Не лучше на всероссийском телевизионном экране. Российской глубиной, похоже, интересуется и то в силу специфики самой программы, один только Юрий Николаев, показавший как-то, спасибо ему, в своей «Утренней звезде» номер екатеринбургского театра «Провинциальные танцы» да пару талантливых ребят (по-моему, из Нижнего Тагила).

Между тем появится эта откровенность — какая тогда разница, где живет человек? Уверял же меня недавно талантливый екатеринбургский композитор Владимир Кобекин, что его вовсе не тянет переехать в столицу, потому что вдали от московского шума и суевы ему легче пишется. Да и, по его мнению, сейчас наступил момент, когда роль провинции в культурной жизни России будет расти, многие общекультурные события будут происходить именно здесь, а не в избалованной, пресытившейся Москве.

Согласна. Да и всегда провинция наша была богата бюшными из-под земли животворными родничками, которые питали и все древо российской культуры, и самые яркие его цветы.

Так что давайте уважать провинцию, российскую нашу глубину, а каком бы горестном состоянии она ни находилась ныне.

Как-то повелось на Руси, что в самые тяжкие для нас времена выходила российская провинция на первый план и говорила веское слово. Не такой ли настал момент?

На сцене Свердловской филармонии только в этом сезоне прошли такие, вовсе не местного значения, культурные начинания, как фестиваль новой музыки «Игра и созерцание», на который съехались композиторы с обоих полушарий — от Канады до Аргентины. После фестиваля «София Губайдулина и ее друзья» Уральский филармонический оркестр поехал в Санкт-Петербург на подобный же праздник музыки. В октябре на той же филармонической сцене этот оркестр выступил с дирижером из США Сарой Колдуэл и певцами из Бостонской оперы. Событием стало концертное исполнение ими оперы Клода Дебюсси «Пеллеас и Мелизанда».

В акцию международного класса включился и Екатеринбургский академический театр музыкальной комедии — с Музыкальным театром из Харбина (КНР) готовит премьеру спектакля «Река любви». Музыку этого произведения написал молодой екатеринбургский композитор Александр Пантыкин, еще недавно известный как один из лидеров екатеринбургского рок-движения.

Провинция отказывается жить ленивой и сонной духовной жизнью. Когда я пишу эти строки, в одном из городских залов идет научно-практическая конференция искусствоведов России, посвященная уральской иконописи, а в залах Екатеринбургского музея изобразительных искусств и историко-краеведческого — изумительная выставка уральской иконы. Среди организаторов этого культурного начинания — кафедра истории искусства Уральского государственного университета.

Провинция, может быть, очень скоро заставит пересмотреть и сам термин «провинция». Провинция — это Россия. И от того, как решится в параллельное время ее судьба, зависит и судьба всей нашей необъятной, горькой и несгибаемой Отчизны.

Ю. МАТАФОНОВА.